

Владимир Жуков

ЯБЛОКО РАЗДОРА

юмор • сатира • курьёзы

Владимир Александрович Жуков

Яблоко раздора.

Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29189814
SelfPub; 2018*

Аннотация

Представленные в этой книге сатирические и юмористические произведения – не плоды вымысла автора, а яркие сюжеты, картинки, ситуации из реальной жизни. В их основе происшествия, события, абсурдно-парадоксальные ситуации из многих сфер человеческой деятельности.

В определенной степени они трагикомичны, драматичны и забавно поучительны, ибо вскрывают типичные пороки государства, общества, отдельных персон – источников и носителей опасных метастазов, в т. ч. коррупции, казнокрадства, семейственности, кумовства, словно коррозия разъедающих добродетели морали и нравственности.

Содержит нецензурную брань.

Владимир Жуков

ЯБЛОКО РАЗДОРА

ю м о р, с а т и р а, к у р ь е з ы

Сюжетами для повестей, рассказов и курьезов стали конкретные события и происшествия с реальными современниками в быту и на производстве.

ВАНЯ И ГЕНЕРАЛЬША

1

Возможно, гены сыграли свою роль, либо матушка-природа Ваню Дробыша благодетельствовала, наделив мужским достоинством, которому бы позавидовал самый пылкий ловелас, охочий до женского пола. Ему бы, уподобившись искусному соблазнителю дамских сердец Казанова, срывать розы на благодатном поле любви, но он никак не мог избавиться, да и не пытался, от застенчивости. Воспитанный в христианской вере и послушании, свято почитал заповедь «не прелюбодействуй» и смущался, как красная девица, когда мужики на досуге, пребывая под хмелем, заводили разговор о победах не любовном поприще. В таких случаях, Дробыш садился в сторонке и курил одну сигарету за другой.

– Что, Ваня, голодаешь? – подтрунивал над ним кто-ни-

будь из слесарей.— Сходил бы на пляж, там работы непочатый край...

В бригаде слесарей судоремонтного завода, где работал Ваня, давно не было секретом, что жена Клава держала его на голодном пайке. Несправедливо было бы ее укорять за чрезмерную сдержанность, ведь после каждой близости с мужем она два месяца не могла прийти в себя — болела, обивала порог кабинета гинекологии.

Однако в первые три года семейной жизни Клава подарила Ивану сына и дочь и на этом поставила точку. Первенец достался тяжело через кесарево сечение. «Хоть бы ты, в загранплавание, как другие рыбаки ушел, — в сердцах советовала она.— Я бы малость отдохнула от твоих телячьих нежностей и семье достаток. При нашей нужде валюта не помещало бы, дети впроголодь живут».

Но Ваня наотрез отказался покидать сушу, наслушавшись рассказов о женских изменах. Поэтому рыбному промыслу и штормам он предпочел ремонт сейнеров и траулеров. Клавка несколько дней попилила его и отстала, с горечью воскликнув: «На тебе, где сядешь, там и встанешь. Вот уж судьба наградила, одни неприятности».

Видя, как страдает жена после проявленных им нежностей, Дробыш вскоре добровольно оставил супружеское ложе, чтоб горячее женское тело не соблазняло на страсть. Ночевал в соседней комнате на жестком топчане почти, как Рахметов из романа Н. Чернышевского “Что делать?”.

Приходил к Клаве в спальню лишь тогда, когда она, сжалившись и опасаясь, что он заведет подругу на стороне, звала к себе. И не столько из жажды наслаждений, сколько из осознания супружеского долга. Но такие ночные свидания были очень редки. И опять изголодавшийся Ваня в пылу неутолимой страсти, слабо владея собой, доводил жену до изнеможения. И опять после неистовой любовной схватки наступало долгое охлаждение. Клавдия охала и ахала, жаловалась на боли в паху, клялась, что больше не допустит мужа к себе на пушечный выстрел. Он переживал не меньше супруги – выглядел, как опущенный в воду, много и нервно курил.

– Хоть бы ты любовницу завел! – однажды в отчаянии воскликнула Клава, не придав значения сказанному. Дробыш и сам не раз об этом помышлял, когда становилось неумолимо и плоть требовала разрядки. Но с женщинами он робел, не умел завязать знакомство, а те не догадывались о его мужских способностях. Воспринимали его чисто внешне, как мрачного субъекта – неудачника, каковых немало на улицах приморского города. Им ли до красивого романа, изысканных манер, подарков и любовных утех. На угрюмо-насупленных небритых лицах одно желание – выпить, закусить, поскандалить и забыться. Так что, несмотря на свои тридцать пять лет от роду, Ваня в амурных делах был дилетантом.

Так бы покорно и влачил он семейный крест, постоянно страдая от сексуальной неудовлетворенности, если бы случай не свел его с состоятельной и к тому же обаятельной жен-

Жаркий июль многих горожан и курортников заманил на пляжи. Бирюзовое Азовское и темно-синее Черное моря одаривали их прохладой, а золотистый песок согревал бронзовые и шоколадные тела. По окончании рабочей смены, миновав заводскую проходную, Дробыш тоже решил освежиться. На автобусе доехал до прибрежной зоны и через парк вышел к крутому склону. С его гребня он увидел, что на узкой песчаной полосе пляжа у границы бирюзово-зеленой воды людей – яблоку негде упасть. На деревянных топчанах и в шезлонгах, а то и прямо на песке нежатся сотни тел, в воде резвится детвора. А на сверкающей ряби волн скользят под тугими парусами небольшие яхты, виндсерфинги и кайтсерфинги, увлекаемые по гребням разноцветными воздушными змеями.

Столпотворение людей, особенно любопытных женщин, по известной причине, смущало Ваню. Поэтому, посещая пляж, он старался уединиться. И на сей раз, по крутой тропинке спустился к оконечной части пляжа, где было пустынно. Расположился на горячем песке, так как поблизости ни топчанов, ни навесов, ни раздевалок. В двадцати метрах от него у большого валуна трое парней увлеченно резались в карты, рядом валялись пустые бутылки из-под вина и пива.

Женщины и девушки в ярких купальниках находились в отдалении и это вполне устраивало Дробыша.

Он снял сорочку с короткими рукавами, потертые и выцветшие джинсы, сандалии-плетенки и с разбега, ощущая стопами горячий песок, бросился в воду. Затем нырнул, ощущая, как разгоряченное тело ласково обвивают прохладные струи. Ваня поплыл брассом к красному буйку, на который уселась чайка. Легкость и стремительность движения, упругость мышц придали ему уверенность. Вспугнутая чайка с криком взлетела и он обнял пляшущий на воде металлический буюк. Отдохнул пару минут и отправился в обратный путь к кромке берега в двухстах метрах.

Проплыв половину расстояния, Иван поднял голову и окинул взглядом берег, но не увидел парней, прежде азартно игравших в карты. Зато вблизи его одежды разместился какой-то субъект – то ли мужчина, то ли женщина. Распознать было невозможно, так как человек лежал. В двадцати метрах от берега Ваня нащупал ногами песчаное дно и, пересекая широкой поросшей волосами грудью воду, направился к своим вещам. Только тогда разглядел женщину в сиреновом купальном костюме. Она лежала на красном покрывале, подложив под голову такого же цвета маленькую подушку. Часть лица закрывали солнцезащитные очки с перламутровыми стеклами. Она держала перед собой небольшую книгу в желтом переплете.

«Черт побери, бабы еще здесь не хватало,– огорчился

Дробыш появлению незваной гостии. – Какая-нибудь столичная мымра притащилась. Здравствуйте, я ваша тетя. Другого места не нашла, на камни ее понесло, захотелось уединения».

Он одернул прилипшие к телу плавки и попытался боком, как краб, выбраться на берег, чтобы, не дай Бог, незнакомка не обратила на него свой взор. Но в тот момент, когда до берега оставалось три-четыре метра, женщина отложила в сторону книгу и поднялась во весь рост. Заметив приближающегося украдкой мужчину, замерла от неожиданности. Пристально оглядела оценивающе – любопытным взглядом по его коренастую мускулистую фигуру. Задержала взгляд не его скрещенных на пахе руках, тщетно пытавшихся закрыть плавки. Понимающе улыбнулась. Сняла очки и минуту спустя, пока Ваня решал: броситься вплавь или все же выйти на песок, она спросила мягким ободряющим голосом:

– Молодой человек, будьте так любезны, развеите мои сомнения. Говорят, что змеи в воде на бычков охотятся. Я их ужасно боюсь. А защитник мой сейчас очень и очень далеко... Впрочем, я – свободная от семейных уз женщина.

Улыбка на сочных губах и неподдельный интерес в глазах незнакомки возвратили ему уверенность.

– Здесь водятся бычки и крабы, а змеи заплывают довольно редко, да и тому же они людей не трогают, – улыбнулся Ваня, в свою очередь, впившись глазами в изящную фигуру женщины: стройные ноги, крутые хорошо развитые бед-

ра и по-спортивному подтянутый живот без признаков складок ожирения, пышная грудь с твердыми сосками, проступающими на ткани, черные волосы, собранные узлом на затылке. Талию девичьей не назовешь, но в сравнении с Клавкиной она тоньше и изящнее. Ваня затруднился точно определить возраст незнакомки, прикинув, что ей не более тридцати-тридцати двух.

– Благодарю вас, молодой человек. Вы меня утешили. Теперь я могу, не опасаясь за последствия, отдать свое грешное тело морю,– весело произнесла она.

– Почему же грешное? У вас красивое тело,– возразил, смутившись, он.

– За комплимент спасибо,– одарила она Ваню улыбкой.– А грешное потому, что женщины созданы Богом для продолжения рода человеческого, для любви и сладострастия. В этом их великое счастье и тяжкий грех. Все началось с Евы и Адама.

«Во, баба, дает, говорит красиво и складно, словно стихи читает, – подумал Дробыш.– Моей Клавке никогда такое в голову не придет. Видно благородных кровей особа. И собой пригожа, все на месте. Хороша Маша, да не наша. Куда тебе, Ваня, с суконным рылом в калашный ряд».

– Это вам за утешение маленький презент,– женщина наклонилась и достала из пакета пачку сигарет. Подала ее Дробышу, коснувшись тонкими окольцованными пальцами его с въевшимся маслом ладони. – Полагаю, что вы курите?

– Да, смалю “Ватру”, – смутился он проявленной ею нежностью, разглядывая красивую пачку с надписью “Техас”.

– Эти сигареты, пожалуй, лучше “Ватры”. Давайте знакомиться, – протянула она ему ладонь. – Виолетта Арнольдовна.

– Ваня... Иван Алексеевич, – произнес он, пожимая ее теплую холеную ладонь.

– Вот и замечательно, Иван Алексеевич, Ваня. Я двое суток назад приехала из Москвы на отдых. Живу в пансионате «Бирюза», в отдельном номере «люкс». А вы, если не ошибаюсь, местный?

– Да, местный, работаю на заводе. Вы извините меня, Виолетта Арнольдовна, – кровь прилила к его щекам.

– Виолетта Арнольдовна, – поправила она. – Можете меня называть просто Виолеттой, что в переводе с латыни Фиалка, а я вас Ваней, как в русской народной сказке.

– Про Ивана-дурака, – невольно сорвалось у него с губ. – Ну, что вы, Ванечка, так о себе уничижительно, – улыбнулась она. – Надо себя позиционировать в самом лучшем виде для шарма и имиджа.

– Рекламирывать. Что ли?

– Можно и так это назвать. Нынче скромность, что порок.

– Простите, что я перед вами в таком виде.

– Господи! – рассмеялась она. – Пусть вас, Ваня, это не смущает. Ведь вы на пляже, а не у станка или в театре. К тому же мне подсказывает женская интуиция, что вы настоящий мужчина и, наверное, очень нравитесь женщинам и пользу-

етесь у них успехом. Признайтесь, у вас есть любовница?

– Только жена Клава,– понуро опустил он голову, что-то вычерчивая ногой на песке.

– Так вы, не востребованный мужчина!– обрадовалась Виолетта и перехватила его взгляд, оброненный на книгу, лежавшую на покрывале.– Занимательная и очень поучительная вещичка. Воспоминания Казанова. Был такой соблазнитель женских сердец и тел, большой дока по части секса. Он даже пытался соблазнить Екатерину II, но она, как это ни странно, почему-то его отвергла. А ведь любила с фаворитами заниматься сексом, хотя тогда такого понятия не существовало. Казанова сам охотно наслаждался и женщин одаривал нежностью. Может, читали о таком пылком сердцецеде?

– Нет, у меня другие учебники, слесарное, токарное дело, чертежи,– признался Дробыш.

– Могу одолжить на время. Не пожалеете. А если не понравится, принесете в люкс № 47, где я остановилась, – и подала ему книгу. Он взял и, направился было к своей одежде, но Виолетта остановила его:

– Куда же вы, Ваня? Я все же опасаюсь змей. Вас не затруднит, если я попрошу об одном одолжении?

– Не затруднит,– отозвался он.

– Хочу, чтобы вы были рядом, когда я буду купаться. В долгу не останусь, – подмигнула она.

– Хорошо, я к вашим услугам,– с готовностью произнес

Ваня и, словно привязанный невидимой нитью, последовал за женщиной в воду. Она плыла красиво, изящно и ее упругое тело дразнило воображение Дробыша своей близостью и свежестью. Рассыпала вокруг себя радужные брызги и манила за собой.

– Не робей Ванечка,– подзадорила женщина и он в азарте приблизился к ней, скользнул ладонью по ее коже, упругой груди. Виолетта озорно рассмеялась и выскользнула из кольца его рук. В нем от этого мимолетного прикосновения проснулась неуголенная страсть и он вдруг оробел. «Нет, Ваня! – приказал он себе,– Эта столичная птаха не для тебя. Нечего соваться с суконным рылом в калашный ряд. Каждый сверчок знай свой шесток. Такие забавы слишком опасны. Стоп, машина! Полный назад!»

3

Потом женщина лежала на покрывале, разбросав по сторонам слегка порозовевшие руки и ноги, нежась на солнце, скатившемся на запад. Дробыш покорно охранял ее покой. Он и сам не мог понять, что с ним происходит. Неожиданно возникшая женщина невольно очаровала его, завлекла своей красотой, раскованностью и загадочностью. Разожгла в нем любопытство. Но, вспомнив, что надо идти домой, Ваня надел старые дранные по молодежной моде джинсы и дряблые сандалии на босу ногу.

– Я пойду?– робко спросил у Виолетты. Она окинула взглядом его простецкое одеяние: выгоревшую на солнце некогда голубую сорочку, затертые до бахромы джинсы, стоптанные облезлые сандалии и сокрушенно покачала прелестной головой.

– Так не годится, Ваня, ходишь, как бомж. Я не позволю, чтобы мой защитник от ядовитых змей и других морских хищников имел такой нереспектабельный вид, провоцировал работников милиции на подозрительность и задержание для установления личности.

– Да, меня здесь каждая собака знает, – простодушно признался он. – Все равно, надо поменять имидж. Сейчас же идем в универмаг обновлять гардероб.

– В универмаг? Нет Виолетта Арнольдовна, – заупрямился он. – Что я, босяк, какой-то? У меня запроса скромные, по театрам и музеям не хожу и... денег на одежду нет.

– Извини, Ваня, я не хотела тебя обидеть, – улыбнулась она. – Не откажи богатой женщине в маленьком удовольствии – сделать тебе подарок в знак встречи.

И он сдался. Виолетта действовала на слесаря магически. Импонировали ее решительность и способность, так легко завоевать его доверие. Но у стеклянных дверей универмага он, обуреваемый сомнениями, остановился:

– Неловко получается. Кто я вам? Чужой человек, даже не дальний родственник. Странно все то.

– Не робей, Ваня, все люди – братья!– взяла его под руку

женщина.— Считай, что и до тебя дошла гуманитарная помощь. Представь, что заграница нам поможет. Не отказывайся, иначе обижусь. А женщина в гневе опаснее пантеры...

Она решительно ввела Ваню в секцию мужской одежды. Наметанным взглядом оценила качество товара, выбрала сорочку золотисто— оранжевого цвета. Велела примерить — в сам раз. Затем он облачился в модные светлые брюки, а в обувной секции она выбрала итальянского производства туфли. Все оплатила, оставив кассиру чаевые. — Теперь я, как африканский попугай,— завидев свое отражение в зеркале, рассмеялся Дробыш.— Только для полного оперения синего и зеленого цветов не хватает.

— Полно, Ваня, ты совершенно лишен вкуса, либо притворяешься, косишь под простака, — возразила Виолетта.— Сейчас выглядишь элегантно и привлекательно. Выбор, конечно, здесь скромный, не то, что в ГУМе или в ЦУМе, в секциях знаменитых модельеров, но все же. Видишь, на тебя девушки, юные пигалицы, загляделись. Не зря говорят, что встречают по одежке, а провожают по уму.

Иван, действительно, уловил на себе взгляды двух юных кокеток в коротких юбчонках со стройными до самых бедер обнаженными ножками. Он с удовлетворением усмехнулся — надо же?

Вышли на оживленную улицу. Ваня полностью уступил инициативу москвичке, заинтригованный ее действиями.

– Удачную покупку, полагается, как это у вас принято...? – сознательно запомнила она, с надеждой глядя на обескураженного спутника.

– ...обмыть, – подсказал бесхитростный Дробыш.

– Вот именно обмыть, – бодро поддержала она. – У меня в номере завалялась бутылочка коньяка. Составь компанию. Мне одиноко и грустно одной в люксе. Вечером не знаю, куда себя деть. Будь рыцарем, проводи меня.

«Гулять так с размахом, пропадать так с музыкой», – решил Ваня и в знак согласия кивнул головой.

– Рада, что не ошиблась в тебе, – подарила она ему многообещающую улыбку.

До пансионата «Бирюза», расположенного на крутом берегу, доехали с шиком на такси. Когда проходили через просторное фойе, полнотелая администратор, восседая за стеклянной перегородкой, пристально оглядела Дробыша и окликнула его спутницу:

– Виолетта Арнольдовна, голубушка, звонил ваш генерал. Интересовался, как устроились, нет ли проблем? Вот уж заботливый муж, нынче большая редкость. Вам здорово повезло. Обещал еще позвонить.

– Благодарю вас, майор Марья Андреевна, – сухо ответила москвичка. – У меня будет гость, сугубо деловая встреча, бизнес, прошу не беспокоить.

– Слушаюсь! – по-военному привстав, ответила женщина, поняв, что с генералом переборщила.

– Значит, ты генеральша?– как вкопанный остановился Ваня перед лестницей, ведущей вверх.

– А-а, это старуха пошутила,– потянула она его за собой.– У нас игра такая, чтобы пыль в глаза публике пустить. Чувствуй себя адмиралом и все будет о, кей.

«А манеры у Виолетты действительно, как у генеральши, – подумал он, терзаемый сомнениями.– Успела всех под каблук поставить. Слушаются, заискивают, чуть не под козырек берут». Это вызывало в нем гордость за свою очаровательную спутницу.

Номер находился на втором этаже и состоял из уютной гостиной и спальни. В гостиной – два кресла, журнальный столик, цветной телевизор, на паркетном полу бордового цвета палас, в углу холодильник.

– Располагайся, как дома,– велела она.– Я соберу на стол. Ты, поди, после рабочей смены проголодался и я составлю тебе кампанию.

– Да, сосет под ложечкой, – признался слесарь.

Она открыла холодильник и достала ворох баночек с черной и красной икрой, крабами и прочими деликатесами. Ваня ножом вскрыл несколько из них. На столике появились блюда, ломтики хлеба, сервелата и сыра, бутылка коньяка “Ай-Петри”, два фужера богемского стекла. Дробыш открыл бутылку и до края наполнил свой фужер.

– Силен мужчина,– удивилась она.– Коньяк Ваня пьют маленькими дозами, но ты не смущайся. Если окажется, что мало, у меня бутылка водки припасена.

Он наполнил ее фужер золотистым напитком.

– Виолетта – ты бесподобная женщина,– осмелился Иван перейти на “ты”.– За твое здоровье, будь счастлива!

Он выпил коньяк залпом, как водку, ощутив приятно обжигающую жидкость. Она с интересом, склонив набок голову, наблюдала за ним. Маленькими глотками смаковала хмельную жидкость.

После второго тоста, провозглашенного Виолеттой за родство сердец, Ваня почувствовал необыкновенную легкость и веселье.

– А ты, Ваня, алкоголем часом не злоупотребляешь, а то у тебя ловко, по заправски с коньяком получилось?– с тревогой спросила женщина.

– Не до жиру быть бы живу,– неожиданно даже для себя нашелся с ответом Дробыш, вспомнив навязанную Клавкиным нытьем, поговорку.– Не без греха, как и любой нормальный мужик. Квасю в меру сил и наличия денег. Чаше по праздникам или когда вручат премию. Но это происходит очень редко, поэтому почитай, что трезвенник. А вам, тебе это зачем знать, я ведь не на работу нанимаюсь?

– Как знать Ваня, я уважаю мужчин крепких и здоровых без всяких психических аномалий и прочих отклонений, как врожденных, так и приобретенных. А также вредных при-

вычек, пристрастия к алкоголю, наркотикам. Пути Господни неисповедимы.

– Я – здоров, как племенной бык! – заверил он. – К врачам-эскулапам отношусь с недоверием, а вот моя Клавка нередко обивает пороги по женской части. Так я ее оставил в покое, по ночам храпит, хоть уши ватой затыкай. Так я надеваю армейскую шапку-ушанку.

– Значит ты свободный от главной супружеской обязанности мужчина? – не скрывая радости, произнесла женщина.

– Свободен, временно, – согласился он, глубоко вздохнув. – Только зачем мне такая свобода, если плоть требует. Я ведь живой человек, а не робот. – Не огорчайся Ванечка, это дело поправимое, – с загадочно-влекущим блеском в злато-карих глазах, обнадежила Виолетта. Он почувствовал, как от коньяка и нарастающей страсти, теплом обдало сердце и захотелось женской нежности и ласки.

– Ваня, а с головой у тебя все в порядке? – между прочим, спросила она.

– А что? – насторожился он. – На котелок пока не жалуюсь. Если и болит, то только после похмелья, но я лечусь рассолом или сывороткой.

– Так ты не алкоголик и не наркоман?

– Нет, – решительно ответил он. – Я же сказал, что пью редко и в меру. Детей, жену Клавку кормить и одевать надо, а денег не хватает, постоянно пилит, поэтому не до выпивки.

– Я в смысле твоего ума, интеллекта, – пояснила она. –

Детишки твои от слабоумия или гемофилии не страдают?

– А чего им страдать. Здоровые, едят спиногрызы, как на убой, только за щеками трещит, – улыбнулся Ваня и, поняв суть вопроса, добавил. – Дебилов не строгаю и об этой фелии ничего не знаю.

– Гемофилии, – поправила она и разъяснила. – Это такая неизлечимая болезнь крови. Царевич Алексей страдал от кровотечений. Только Гришка Распутин с помощью гипноза мог останавливать кровь, потому царица Александра Федоровна его очень почитала. Эта болезнь по наследству передается.

– А я где-то читал о том, что Гришка шибко женщин-молодух любил. Делал им вливание своей крови и за этот блуд и разврат жизнью поплатился. Яд его не брал, поэтому убили и утопили.

– Да, женщин святой старец обожал, – подтвердила Виолетта. – Об этом Валентин Пикуль в романе «Нечистая сила» написал.

– Какой же он святой? Распутник, бабник, каких свет не видывал, – возразил гость. – Молодух и замужних клуш портил налево и направо...

– Им это нравилось, поэтому и портил, – усмехнулась она и настойчиво попросила. – Хочу посмотреть на твою жену и детей.

– Зачем это тебе?

– Женское любопытство, каприз, – уклончиво ответила

Виолетта и таинственно улыбнулась, озадачив Дробыша.

– Ты, Ваня не так прост, как я думала, – продолжила она, наклонившись к нему лицом, взволновав тонким запахом духов, бархатистой кожей груди в открытом декольте. – Но вижу женщинами не слишком обласканный. Обязательно почитай Казанова и ты лучше познаешь и себя, и женщин, силу страсти и наслаждений. Есть женщины, готовые пылать в твоих объятиях. Одна из них перед тобой...

– Но Виолетта?– прошептал он, вспомнив о Клаве и детях,– Как так можно? Смертный грех.

– Можно, если женщина хочет и просит, – она встала и поманила его в спальню, где в красновато-тусклом свете торшера их ждало широкое ложе. Дробыш поднялся и замер в нерешительности, не веря, что все происходит наяву.

– Ты, что, Ванечка, совсем не умеешь с женщиной обращаться,– мягко упрекнула его Виолетта.– Смотри на жизнь проще, лови счастливые мгновения. Ничто не вечно под Луной. Мы тоже превратимся в прах, смерть всех уравнивает. Поэтому будь мужчиной, как предназначено природой.

Она тонкими трепетными пальцами расстегнула пуговицы на дареной сорочке и Ваня, изголодавшийся по любви, покорился своей и ее страсти. Белое ложе – единственный свидетель их жарких поцелуев и крепких объятий, соединенных в экстазе тел, вздыхало, прислушиваясь к учащенному стуку сердец, к сладким стонам и тихим нежным словам.

Дробыш, обычно осторожный при близости с Клавой, был

азартен и неутомим с восхитительной партнершей, возлежащей на белых, как снег простынях, обворожительной и щедрой на ласки. Они несколько раз после короткого отдыха и горячего кофе соединялись в упоительно-сладкой схватке.

Ваня не ударил в грязь лицом, не обманул ее ожиданий. Долго копившиеся в нем страсть и нежность были сполна отданы ей. Виолетта осталась довольной, несмотря на усталость, была весела. И он был очарован знойной, как июль, женщиной, не ведавшей предрассудков и жаждущей новых ярких ощущений и наслаждений.

Она не хотела его отпускать и, когда Ваня уходил, договорившись о новом свидании. Вручила ему пакет с коробкой шоколадных конфет и прочих сладостей – подарок жене и детям. “Что за женщина, ах, какая женщина!” – тихо восхищался Дробыш и не мог найти ей сравнение.

5

В полночь он ввалился в свою комнату. Не спавшая, встревоженная Клава раскрыла рот от удивления, заметив на нем обнову.

– Где тебя черти носили? На какие гроши приоделся? – истерически визжала она. – Ограбил кого? Господи, непутевый какой, тебя же посадят. Ты обо мне и детях подумал? Куда я с ними денусь? По миру пойду.

– Клавка, Клавка-а, сокровище ты мое, не трусь. Никому

тебя в обиду не дам,— обнимал он ее.— За детей горло перегрызу...

— Надо с повинной в милицию идти, тогда срок убавят,— не унималась она, вытаращив на него испуганные синие глаза.

— Я сам любого посажу,— выпятил грудь колесом Ваня.— Спи спокойно, женка. Я то ж пойду спать, устал, работы много было, непочатый край, утро вечера мудренее...

И, пошатываясь, он побрел в свою комнату бобыля. Клава не стала допытываться, но всю ночь не сомкнула глаз. А когда она чуть свет заглянула в его жилище, он успел изложить сочиненную накануне версию:

— Премию получил за рацпредложение.

— Какой ты у меня талантливый. Почаще что-нибудь изобретай,— потеплела она и тут же попрекнула.— Все на себя растратил, поди, уже не жених, как голландский петух разделся. Лучше б я ребятишкам обновку к учебному году справила или себе платье купила, а то на люди не в чем выйти, совсем обносилась.

— Ничего матушка, даст Бог разбогатеет,— обнял он ее за хрупкие плечи. Клава, как обычно поворчала и успокоилась, подумала: “Все же с пользой премию потратил, не пропил, не спустил в унитаз, как иные мужики”.

Дробыш после работы зачастил в пансионат «Бирюза» к восхитительно-безотказной Виолетте.

— А у тебя есть дети? — однажды спросил он, припомнив, что она ни разу не заводила разговор на эту тему.

– Нет, Ванечка, – тихо прошептала женщина и он увидел затаенную печаль в ее глазах. С робкой надеждой в голосе, словно оправдываясь, она продолжила. – Приехала я на Чокракские грязи. А прошлый сезон провела в Евпатории, на Мойнаках. Пока безрезультатно, но я не теряю надежды. Если Чокрак не поможет, то на будущий год планирую поваляться в Сиваше, а потом махну в Закарпатье на минеральные воды. Счастье женщины в материнстве, в детях... Только теперь Ваня догадался почему она не разрешает ему много пить и во время интимной близости не предохраняется. Наверное, страстно желает забеременеть, чтобы ощутить радость материнства. У нее есть все: красота, ум и безупречное воспитание, роскошь. Но нет главного – плода взаимной любви – ребенка, без рождения которого не может быть полноты счастья. Любовь, страсть, наслаждения – все мимолетно на этой грешной земле. Ему стало жаль ее.

“У нас с Клавой и сын, и дочка, а она одинока,– и Ваня бережно погладил ее обнаженное плечо. Виолетта поняла его жест и незаметно смахнула рукой навстречную слезу.

– А что же муж? – осторожно спросил он.

– Обьелся груш. Утешает. Предоставил полную свободу действий,– вздохнула она.– У него своя жизнь. На первом плане служба, карьера. Как все военные, целеустремлен и прямолинеен. А женщина, как кошка, нуждается в нежности и сочувствии, чтобы было, кому поплакаться в жилетку, о ком-то позаботиться.

– Так он на самом деле у тебя генерал?

– Да, генерал-майор,— вздохнула она.— Только какой мне прок от его звезд. Разве что генеральшей величают, почести оказывают и с деньгами проблем нет.

– Е-е, мое! Что же вы мне сразу не сказали?— всполошился Дробыш.— Получается, что я генералу рога наставил. Вот так номер! Мужикам расскажу, что с генеральшей спал, так ни за что не поверят и еще засмеют...

– Не суетись, держи язык за зубами, редко кто из вашего брата не носит рогов. Сплошь и рядом одни рогоносцы, как стадо оленей,— властно сказала она. — Поэтому будь мужчиной, а не базарной бабой. Генеральша тоже живой человек, женщина, и мне ничто земное не чуждо...

По резкости ее голоса и выражению лица Ваня понял, что с рогоносцем хватил лишку и поэтому прикусил язык.

– Я тебя сама выбрала и это меняет суть вещей. Для меня должность чины и ранги не имеют значения. Главное, чтобы человек был здоровый и добрый, — немного смягчила она тон.

– Тогда при твоём положении, сам Бог велел отдыхать на генеральских пляжах, что у мыса Казантип,— с гордостью изрек Дробыш, слегка обняв ее за смуглые от загара плечи.

– Только рядом с тобой Ванечка,— с озорством отозвалась она.

– Я ни чином, ни рылом не вышел,— вздохнул он.

– Зато у тебя немало других достоинств,— улыбнулась ге-

неральша. – Ты неутомимый и нежный мужчина, а это никакими звездами не восполнить. Для женщины, ее мироощущений превыше всего любовь, неземное блаженство

– С тобой Виолетта не поспоришь.

– И не надо перечить, умные мужчины с любимыми женщинами всегда и во всем соглашаются и поэтому щедро вознаграждены их любовью.

С этого вечера Иван стал бережно относиться к своей генеральше, поняв, что не распутство, а одиночество толкнуло ее на измену. Из скудной зарплаты он выкроил деньги на цветы, чем до слез взволновал генеральшу, одарившую его неистовой нежностью.

Клавдия все же прознала о любовных похождениях мужа, но не ведала о личности соперницы. Однажды, когда Ваня в полночь прибрел из очередного randevu, она расшумелась и всплакнула:

– Так то ты меня, Ваня, любишь– голубишь, за месяц ни разу не приласкал. Верно люди говорят, что в тихом болоте черти водятся.

– Клава, родная, успокойся, я к тебе всей душой,– с нежностью и чувством вины обнял он жену за плечи. – Но ты же потом страдаешь и меня упрекаешь?

– Теперь можно, но не дико, как с голодного края, а осторожно, – разрешила она.

Ночью, дабы искупить вину, Ваня забрался в ее постель. Клава, памятуя о последствиях прежних жарких объятий,

была пассивной и скупой на ласки. Потом горестно вздохнула:

– Ладно, забавляйся с любовницей, она женщина щедрая, а меня пока не беспокой. Время придет, сама позову.

Словно камень с Ваниного сердца сняла. Он за месяц изработался на любовном ложе, был, как выжатый лимон, едва успевал восстановить силы. По рецептам Казанова питался сыром, яйцами, сметаной и другими стимулирующими потенцию продуктами, на которые Синеглазка не скупилась. Но деньги, к большому сожалению, имеют одно неприятное свойство, они быстро кончаются, особенно, когда потребности превосходят возможности. И генеральша, и Дробыш этот факт вполне осознавали.

6

Между тем истекали дни санаторно-лечебной путевки Синеглазки. Через генерала для нее не составило бы большого труда продлить проживание в пансионате и продолжить курс лечения на Чокракских грязях. Но ей опостытели ухмыляющиеся лица горничных и другой obsługi, знавших о ее интимных связях со слесарем-работягой.

– Ваня, я хотела бы недельку пожить в твоей семье, чтобы ощутить домашние заботы и уют, – неожиданно предложила любовница после того, как он рассказал ей о спокойной реакции Клавы на его супружескую измену.

– А вдруг она скандал устроит?– засомневался он.– У нее, знаешь семь погод на день, равнодушна или ревнива, не приведи Господь. Еще за волосы начнете друг друга таскать и кричать. Сбегутся соседи и опозорят на весь белый свет.

– Не устроит,– уверенно ответила генеральша.– Женщины мудрее мужиков, не звереют от ревности. Лучше могут понять друг друга.

– Интересно как?

– Увидишь. Только ничего не говори Клаве, пусть это для нее будет сюрпризом, – предупредила Виолетта,– Завтра ждите меня вечером в гости.

– Может не надо судьбу испытывать? – умоляюще поглядел он.

– Нет, надо, слушай свою генеральшу!

После того, как Дробыш нежно расстался с ней, москвичка отправила в столицу срочную телеграмму: “Мой генерал, я немного потратилась на покупки. Будь добр, вышли деньги телеграфом. Вынуждена задержаться, так как продолжаю курс лечения. Не теряю надежды на шанс. Скучаю и обнимаю. Твоя Виолетта”.

На следующий день прямо с работы, изменив графику, Иван возвратился домой, чем удивил Клаву. Она хлопотала на кухне, детишки гостили у бабушки. Он с тревогой и волнение поджидать гостью. Сидя в гостиной перед черно-белым экраном телевизора “Весна-304”, Ваня чутко прислушивался к шагам на лестничной площадке. Звонок в прихо-

жей заставил вздрогнуть, но он остался на месте. Клава сама открыла двери. У порога стояла среднего роста элегантная красивая женщина в легком бирюзового цвета шелковом платье и в широкополой шляпе.

– О, кей, госпожа, вы сдаете комнату? – спросила она. Ваня узнал голос своей пылкой любовницы.

– Не-ет, но... – обескураженная обращением «госпожа», растерялась Клава, не смея категорически отказать ласково взирающей на нее незнакомке.

– Я хорошо заплачу. Мне всего на недельку, – улыбнулась Виолетта, развеяв ее сомнения. – Я вас не стесню, если возникнет психологическая несовместимость, то сразу съеду.

“А почему бы и не воспользоваться случаем, – смекнула практичная Клава. – Лишние деньги не помешают. Их всегда не хватает. Ваня, вон прибахлился, надо бы и детей приодеть, да и сама, как курица выгляжу. Видать денежная персона, сама заявила, что хорошо заплатит, никто за язык не тянул...”

– Ваня, Иван Алексеевич, поди, посоветуемся, – позвала она мужа, державшего ухо остро. Он подошел, не подавая вида, что знаком с гостьей.

– Эта гражданка, госпожа, неделю хочет пожить у нас. Может, уважим и потеснимся? – переминалась с ноги на ногу Клава.

– Неделю? Мг, – почесал озадаченный супруг затылок и сдержанно улыбнулся генеральше. – Что ж, годится, в тесно-

те да не в обиде. Я вам любезно уступлю свою комнату.

— Очень вам благодарна. Позвольте я взгляну на свое гнездышко,— попросила гостя. Предусмотрительный Ваня успел до ее прихода навести порядок в комнате. Она осталась довольной, украдкой нежно коснувшись рукой его мускулистой ягодицы.

Познакомилась с Клавой, согласившись на ее условия и цену, а когда возвратились детишки, приласкала десятилетнего Кириюшу и восьмилетнюю белокурую Светлану. Им она дала по плитке шоколада, а Клаве подарила отрез мокрого шелка на платье и флакон французских духов “Опиум”.

Клава была поражена щедростью Виолетты Арнольдовны. Угостила ее бразильским кофе и маслинами, который приберегала для дорогих гостей. Генеральша непринужденными разговорами о вечных женских темах и рецептах народной медицины и кулинарии очень быстро расположила к себе простодушную и доверчивую хозяйку, внимавшую ей с блестящими глазами и раскрытым ртом. Дробыш согласился помочь постоялице доставить вещи из пансионата. Там они в неистовом упоении отпраздновали успешное осуществление оригинального замысла.

Гостя очень быстро, проявив трогательную заботу о Клаве и ее детишках, стала членом семьи. Получила от генерала крупную сумму денег и подарила Кириюше джинсовый костюм, а Светлане — нарядное платье и мохеровый свитер. Не скупилась и на продукты питания — холодильник был забит

колбасами, сыром, маслом, маслинами, фруктами и прочими яствами. Клава не могла не нарадоваться посланной Богом постоялице.

Искусная Синеглазка даром времени не теряла – использовала любую возможность для уединения с Ваней и продления медового месяца. В обеденный перерыв он, сломя голову мчался домой, где изнемогая от страсти, его ждала знойная генеральша. Законная супруга в это время трудилась на стройке подсобной рабочей, таскала на тележке кирпичи, щебень, песок. Она, конечно, перехватывая нежные взгляды супруга и щедрой москвички, догадывалась о их близких отношениях, но делала вид, что ничего не знает.

– Виолетта, мы уже месяц, как любовники, а я до сих пор не знаю твою фамилию. Некрасиво получается, пользуюсь на халяву и еще Клавку со спиногрызами на шею посадил, – однажды неожиданно заявил и посетовал Дробыш.

– Зачем тебе моя фамилия? Достаточно имени-отчества. Или может, решил черкнуть письмецо, когда уеду в столицу?

– Нет уж, я не любитель писанины, привык иметь дело с железом, ключами, а не ручкой и бумагой, – возразил он. – Фамилию спрашиваю ради интереса, приличия... Для меня письмо или какую-нибудь фигню, вроде биографии или справки, сочинить страшная мука, что серпом по яйцам...

– Фу, какая пошлость, садизм. Ваня, ты думай, прежде, чем сказать, – отмахнулась она с досадой.

– Пусть лошадь думает, у не голова большая, – невозможно ответил Дробыш и у женщины не нашлось аргумента для возражения. После паузы она сообщила:

– Если только для интереса, а не писем и телеграмм, что может вызвать подозрения у генерала, то запоминай, я – Синеглазка. Правда, красиво, романтично звучит Виолетта Синеглазка?

– Для бабы может и красиво, а для генерала не серьезно, хреново и смешно. В украинской армии были генералы Могила, Лопата, Мулява... С такими погоняло только в стройбате служить, казармы строить и окопы рыть. Представляешь, дослужится твой муж до маршала. Ведь это курам на смех, маршал Синегдазка. Надо, чтобы фамилия была грозная и гордая, на врагов наводила страх и они в панике бежали, бросая оружие...

–Ну, знаешь, Ваня, у тебя тоже фамилия, не ахти какая знатная, Дробыш? Кого ты дробить собираешься?

–Никого, но и я в генералы не лезу, каждый сверчок знай свой шесток.

– Мой спонсор тоже до маршала не дослужится, – возразила Виолетта.

– Почему?

– Потому, что у маршалов есть сыновья и внуки, а они тоже хотят носить маршальские погоны и звезду с бриллиантами, поэтому там не протолкнешься. Конкуренция, и без влиятельного протеже в министерстве обороны шансов нет.

Неделя пролетала, как одно мгновение. Обеспокоенный генерал потребовал у супруги объяснений. Она не растерялась, сообщив, что врачи ее обнадежили – Чокракские грязи очень эффективны, ведь в царское время на берегу озера действовала грязелечебница, куда даже европейцы приезжали лечиться от бесплодия. Поэтому у нее, мол, и есть шанс. «Однако с отъездом затягивать не следует,– решила она.– Это может вызвать у него подозрения».

Весть о том, что задушевная гостья уезжает, до слез огорчила Клаву и ее детишек, избалованных лакомствами. Пресытившийся любовью, Ваня, думая о грядущей перспективе сексуального голода, взгрустнул. Опять потянет жизнь с охами и вздохами Клавы. Оставшись с ним наедине, любовница спросила:

– Ваня, у тебя какое воинское звание?

– Гвардии ефрейтор,– широко улыбнувшись, с гордостью заявил Дробыш.– А что?

– Гвардии – это прекрасно! Настоящий гвардеец, но жаль, что всего лишь ефрейтор, – вздохнула Виолетта.– Хотела тебе предложить должность адъютанта своего генерала, но необходимо офицерское звание.

– Это что же меня, опытного слесаря, и в лакеи? Ну, спасибо, удружила, не ожидал!– возмутился слесарь и с метал-

лом в голосе продолжил.— Никогда генералам сапоги не чистил и не собираюсь ни за какие деньги. Я уж со своими железяками останусь. Это ж надо, что придумала, меня рабочего, пролетария, гегемона и в лакеи!?

— Вань, не горячись, о чем ты, какие сапоги? — рассмеялась женщина.— Адъютант — очень престижная, аристократическая должность. Не каждому офицеру она выпадает без протекции. Я хочу, чтобы ты был рядом.

— А как же Клава и дети? — насторожился он.

— У тебя замечательная супруга,— согласилась Синеглазка.— Береги ее, а я, возможно, еще приеду на следующий год, если этот сеанс грязевой терапии не поможет, то продолжим наш эксперимент. Сиваш находится совсем рядом у Арабатской стрелки, никто и ничто не помешает нашим приятным встречам.

Проводы генеральши на железнодорожном вокзале были трогательно-печальными, с цветами, слезами и поцелуями. Ваня был задумчив и немногословен, встревожив своим скорбным видом Клаву, не заболел ли?

Тоскливо прокричав, московский поезд плавно отошел от перрона. От Виолетты долго не было никаких вестей, а сам Ваня не решался ей написать — вдруг письмо попадет у руки генерала и он, как Отелло, устроит ей скандал.

С грустью он вспоминал чудесный роман. Клава по-прежнему была неприступна (не помог даже Казанова) и он страдал от неудовлетворенности, довольствуясь редкими подач-

ками. Неожиданно в конце апреля пришла ценная бандероль. Дробыш взглянул на адрес отправителя и обмер – она.

Гулко забилося сердце, а воображение оживило хмельные ночи. Среди подарков он обнаружил маленькую записку: “Дорогие Ваня, Клава, Кирюша и Светлана! Бог услышал мои молитвы и подарил сына Женьку. Мой генерал от радости на небесах, я тоже счастлива. Простите и будьте здоровы. Виолетта.”

«Вот те и роман? – удивился Ваня. – Наверное, чокракские грязи помогли”.

Записку он утаил от Клавы, но покой потерял. Нет-нет, да и точит сознание назойливая мысль: чей ребенок, его или генерала? Он ведь на любовном ложе трудился на совесть. Хватит ли у него духу рвануть в Москву и убедиться воочию.

СКОРБНЫЕ СБОРЫ

1

– Ганна, Ганн-а! – сердито повысил голос Филипп Ермалаевич Уваров, обращаясь к шестидесятичетырехлетней жене-ровеснице, задремавшей у жарко натопленной печи. – Ганна-а! Глухая тетеря, у те шо, уши заложило?

– Слухаю, Филя, шо тоби треба? – наконец встрепенулась она, подняла крупную, повязанную шерстяным платком голову. Была она слишком полнотелой в сером свитере, длинной из сукна юбке, в черных ватных бурках и калошах на

толстых икрах ног. Ганна своим громоздким телом, сидя на самодельной табуретке, повернулась к супругу. Исподлобья хмуро, осуждающе взглянула на него, явно недовольная тем, что ее потревожили.

– Дюже гарный сон бачила, а ты, бисова душа затрымав, – проворчала она.

– Выспишься еще вдоволь, впереди ночь, – произнес Уваров, согнав рукою с колен рыжего кота Борьку. – Надобно, пока не забыл, обсудить важный вопрос. – Мы с тобой, Ганна, уже не молодые люди, можно сказать старики, годы берут свое. Не ровен час, кто из нас помрет невзначай. Одному Богу ведомо, сколько кому лет отпущено? Я так полагаю, что первым лягу в землю...

– Сдулив, старый, помирать зибрався, – ехидно, содрогаюсь тучным телом, засмеялась Ганна.

– Смерть приходит без приглашения, – возразил он. – По статистике зловердные бабы долыше мужиков живут. Я и сам вижу, ты хоть и глухая на правое ухо. Порой не докричишься, хоть кол на голове теши, однако ж еще крепкая, годов пятнадцать-двадцать протянешь, а мне, чую, скоро ханна. Треклятый бронхит совсем доконал, кашель, язви его, ни днем, ни ночью покоя не дает. Мокрота с трудом отходит.

Филипп Ермолаевич перевел дыхание и глухо закашлялся, мелко содрогаюсь тещедушным телом. Вытер платочком навернувшиеся на глаза от потуги слезы.

– Вишь, душит, зараза, слова не дает сказать, – продолжил

он.— Того и гляди, придавит, что душа из тела вон. А глухие, как ты, долго живут, у них других болячек нет.

— Филя, тоби, мабуть допоможе редька з мѣдом,— отозвалась Ганна.— Скильки рокив пьєшь бронхолитин и солутан, а ниякого ладу. Тилькы кошты задарама витрачаєшь. И тю-тюн смалыты не треба.

— Поможет твоя редька, которая хрена не слаще, как мертвому припарка,— усмехнулся Уваров в поседевшие и обвисшие по краям усы.— Ты бы лучше перцовки купила или не поленилась и самогон согнала. У тебя он крепкий и злой получается. Эта самое лучшее лекарство после баньки, стаканчик-другой. Заменяет и таблетки, и микстуры.

— Кошты нема, а цукор тильки до чаю зальшывся.

— Для себя ты, старая, гроши всегда находишь. В чулке, наверное, прячешь или в матрасе,— упрекнул он супругу.— А для мужа у тебя кукиш с маком припасен. Не жизнь, а сплошная мука, поэтому и помирать не жалко.

— Я кожен тыждень на рынке товкусь. Молоко, сметану и творог продаю,— парировала она упрек.— Ниг пид собою не чую, ось як тяжко кошты заробляты.

— А я что ж, по-твоему, на печи сижу и баклуши бью? — возмутился Уваров.— За коровой и птицей ухаживаю, весь навозом пропах. Все хозяйство на мне, да еще надо дров на рубить и печь растопить, пока ты там на рынке семечки лузгаєшь и лясы точишь.

— А я тоби сніданок та вечерю, готую.

– Ладно, Ганна, у тебя язык, что помело, не переспоришь. Я те слово, а ты – два, палец в рот не клади, откусишь, – рассердился он. – Мало, что глухая, а гонору на троих, хохлуха ты упертая.

– А ты москаль поганый, – прошипела она и это вывело его из равновесия.

– Не чипай, Ганка, бо видгепаю, – сурово произнес Филипп Ермолаевич, приподнявшись со стула. Эта угроза подействовала на нее отрезвляюще и панически. Она втянула и без того короткую шею в жирные плечи, а он для убедительности произнес:

– Не гляди, что я доходяга, сила в кулаках еще есть.

– Сила е, ума не треба, – прошептала Ганна, опасливо косясь, черными, как у цыганки зрачками, на мужа. Он изредка, по пьяной лавочке, бил ее для профилактики за сварливый характер. На сей раз, пропустил ее шипение мимо ушей, лишь посетовал:

– Сбила ты, Ганка, своим острым языком меня с понталыку. Я вот о чем хотел сказать. Надобно меня заранее собрать в последний путь, всякие там причиндалы. Жизнь нонча пошла такая, если сам о себе не похлопочешь, то никто и пальцем не пошевелит.

– Сынку Петро в турботах не зальшыть, – напомнила она.

– У него своя семья, вечные заботы, на все деньги и время требуется, – махнул он рукой. – Пока из Хабаровска доберется, рак под горой свистнет. Надо, чтобы все было готово,

гроб, крест, венки, черные ленты ... и что на стол подать за упокой души раба божьего. Прежде, когда не было бардака и нищеты, людей хоронили чинно, благопристойно, с музыкой, и то на черный день деньги копили. Доигрались политики, все сбережения коту под хвост пошли, инфляция-махинация многих честных тружеников превратила в нищих. Нашим родителям еще повезло, успели вовремя помереть. Проводили их на погост всем селом, поминки мы справили от всей души. Иные свадьбу дак не играют. Им на нас грех обижаться.

– Воны, майже, задоволены, – подтвердила Ганна Назаровна, насупившись.

Открыла дверцу и бросила в жарко пылающее оранжевое чрево печи два полена.

– Дрова то, Ганка, побереги, поди не в лесу, а в степи присивашской живем, – напомнил он. – Итак жарко, продыху нет, а впереди зима лютая. Дрова кончатся, будешь кизяком печку топить, коровьим ароматом дышать.

– Чомусь я дюже змерзла, Филя, – пожаловалась она, но муж оставил ее слова без внимания, лишь хмыкнул. – У тебя сала, как у Хавроньи, поди, не озябнешь среди осени. Я вот об чем. На прошлой неделе я побывал в райцентре. Тепереча там не то, что давеча. Зашел для интереса в это бюро... печальных услуг...

– Мабуть, ритуальных, – со знанием дела поправила она.

– Не встревай, когда я речь толкаю, – грубо оборвал ее Фи-

липп Ермолаевич.— По мне дак без разницы, что печальных, что ритуальных. Для покойников там разный товар выставлен. Увидел я зашарпанный гроб и чуть не околел на месте. Стоит он пятьсот гривен, а хилый венок из бумажных цветов и листьев— двадцать— тридцать гривен. Вот я кумекаю, хорошо бы помереть в разгар весны или лета, когда тепло, птицы поют и цветов живых много. Тогда и деньги можно сэкономить. Ганна, я решил, что гроб и крест для себя смастерю сам. Слава Богу, с пилой и рубанком еще могу управиться. — Дюже ты, Филя, хитрющий. А хто мэнэ труна зробіть? — озадачила она его неожиданным вопросом.

— Верно, я об этом не подумал,— почесал Уваров затылок.— На два гроба у меня досок не хватит. Пока придется смастерить один. Дерево нынче дорогое. Кто раньше помрет, того и похороним.

— Можа другый з фанеры?

— С фанеры? Во придумала, глупая баба, канарейку, что ль собираемся хоронить?— проворчал он.— Можно из цинка, аль железа. Так, весь металл за кордон вывезли. Рельсы уже разбирают, бидоны и миски со дворов тащат...

— Ты, Филя, домовину поглубже и поширше зроби, — велела Назаровна.— Бачишь, яка я пышна, та дюже гарна. Шоб мени там не було тисно.

— Разнесло тебя, разбухла, как на дрожжах, в дверь с трудом влезаешь,— с подозрением заметил он, окинув ее полную, как у метателя ядра или диска фигуру, плоское, слов-

но блин, лицо с красными от печного отсвета щеками.— В селе слух пошел, что Захарий Пивень за тобой уплетается? На рынке, говорят, угощал тебя чебуреками с кофеем. С чего бы такая щедрость? Он же, скряга, за копейку удавится, дерьмо и то на удобрение использует, помидоры, перец и баклажаны им прикармливает вместо компоста и азотной селитры.

— Брехня усе,— робко возразив, насторожилась Ганна.

— Зачастила ты с ним в последнее время вместе на рынок ездить, не разлей вода, — продолжил Филипп Ермолаевич.— Аль молодые годы вспомнила, как он тебя на сеновале тискал? Может уже успел обрюхатить? Верно, ведь говорят, седина в бороду, бес — в ребро. — Люди добри, рятуйте! — внезапно заголосила, словно по покойнику, Ганна, перепугав ревнивого супруга.— Типун тобі на язык. Схаменись, що ты кажешь? Я Захарию пять гривен на шлях дала, вот вин и нагодував чебуреком и каваю.

— Так он же прохиндей, тебя надул,— изумился Уваров. — Сколько стоит один чебурек, стакан или чашка кофе?

— Чебурек — гривна и двадцать копеек, а кофе — одна гривна,— ответила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.